

КРИТІАСЪ.

КРИТІАСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ «Тимеемъ» Платона въ самой близкой связи стоитъ его сочиненіе, написанное именемъ Критіаса. Критіасъ обѣщаль въ «Тимеѣ» (р. 26 A sqq.), что, когда наступитъ его очередь говорить, онъ подробно разсмотритъ бытъ древнихъ аеинянъ и докажетъ, что они были почти таковы, какими Сократъ, въ своей бесѣдѣ о государствѣ, изображалъ гражданъ наилучшаго общества. Теперь, въ соименной ему книгѣ, Критіасъ старается это выполнить и предложенный въ «Тимеѣ» рисунокъ воспроизводитъ снова—въ болѣе тонкихъ чертахъ, съ необходимыми для дѣла оттѣнками и подробностями. Этотъ трудъ Платонъ не безъ основанія возлагаетъ на Критіаса: такъ какъ онъ и родъ свой производилъ издадека, считая себя потомкомъ Солона, и вращался въ рядахъ гражданскаго правительства,—хотя объ этомъ Платонъ благоразумно умалчиваетъ;—кромѣ того былъ ученъ, краснорѣчивъ, принаровился къ разсужденіямъ сократическимъ, и даже славился еще способностями поэтическими. По всему этому онъ лучше, нежели кто другой, могъ удовлетворить ожиданіямъ слушателей.

Черта, о которой упомянули мы на послѣднемъ мѣстѣ,

то есть, что Критіасъ занимался поэзіею, весьма характеристична; она много поможетъ намъ правильнѣе оцѣнить и обсудить весь этотъ рассказъ объ островѣ Атлантидѣ и о жизни древнихъ аѳинянъ. Нѣкоторые ученые, выходя изъ мысли, что въ этой книгѣ все изложено на основаніи историческихъ данныхъ, старались непремѣнно доискаться, что это у Платона за островъ, и на различныхъ частностяхъ описанія его строили свои догадки. *Олафъ Рудбеккъ* (t. 1 Atlanticae, с. 6) разумѣлъ подъ нимъ Свеонію (Швецію), и своему мнѣнію, такъ какъ былъ человекъ ученый и даровитый, сумѣлъ придать видъ нѣкотораго правдоподобія. Потомъ *Кирхмайеръ* (въ Exercitatio de Platonis Atlantide ad Timaeum et Critiam Platonis, 1685) Атлантидою призналъ сѣверные и западные берега Африки. Наконецъ, *Бирхеродъ* (Schediasm. de orbe novo non novo, 1683) и нѣкоторые другіе Атлантиду принимали за Америку. Были изслѣдователи и съ совершенно противоположнымъ воззрѣніемъ: такъ какъ рассказъ Критіаса придаетъ Атлантидѣ черты, которыя не подходятъ вполнѣ ни къ одной извѣстной странѣ, то они рѣшили, что вся исторія этого острова у Платона есть чистая выдумка, не имѣющая никакого реальнаго основанія. Таково было убѣжденіе многихъ,—между прочими, *Гисмана* и *Тидемана*,—и въ настоящее время такъ думаютъ вообще. Но, намъ кажется, какъ тѣ, такъ и другіе нѣсколько уклоняются отъ прямого пути; истина должна быть въ срединѣ. Это, какъ мы сейчасъ сказали, можно съ вѣроятностію выводить изъ того, что рѣчь предоставляется именно Критіасу. Критіасъ, по складу душевныхъ своихъ свойствъ, былъ способенъ преувеличить, распространить, украсить то преданіе, которое, по его словамъ, наслѣдовалъ отъ предковъ; но его рассказамъ, каковы бы они ни были, придаетъ все-таки много авторитета древность его рода и прямая ссылка на Солона, какъ на ихъ основателя, принесшаго преданіе изъ Египта и передавашаго своимъ потомкамъ. Короче, мы приходимъ къ тому мнѣнію, что преданіе объ Атлантидѣ Платонъ самъ

принялъ отъ какого нибудь изъ египетскихъ жрецовъ и положилъ его въ основаніе всего своего сочиненія; Критіасу же предоставляется изложить его такъ, съ такими отступленіями и видоизмѣненіями, чтобы оно соотвѣтствовало предположенной Платономъ цѣли діалога.

Кромѣ личности Критіаса, на это соображеніе наводятъ и нѣкоторыя другія обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, не означаетъ ли Платонъ ясно, что происхожденіе этого разсказа—египетское? не говоритъ ли, что Солонъ хотѣлъ тоже сдѣлать его содержаніемъ обширнаго стихотворенія, въ которомъ то преданіе получило бы полное развитіе и объясненіе?—Все это въ нашихъ глазахъ настолько вѣско, что діалогъ, надписанный именемъ Критіаса, намъ представляется чѣмъ-то въ родѣ историческаго романа, въ основаніи котораго всегда надо предполагать сколько нибудь правды.

Если наше замѣчаніе справедливо, то не можемъ и мы не задаться вопросомъ: какой же островъ означался именемъ Атлантиды? Правда, по этому вопросу ничего рѣшительнаго сказать нельзя; но то, что разсказывается о положеніи, величинѣ и могуществѣ Атлантиды, невольно наводитъ на мысль, что еще до древнѣйшихъ насельниковъ Азіи доходила какая-то глухая молва объ Америкѣ. Мы не отрицаемъ, что въ подобныхъ разсказахъ о западныхъ островахъ передавалось много баснословнаго; все же весьма замѣчательна та черта, что островамъ приписывались всегда необыкновенныя величина и могущество, какихъ сами древніе не видѣли нигдѣ и ни у кого. Чѣмъ неопредѣленнѣе были такіе слухи, тѣмъ болѣе конечно открывалось простора припоминать и придумывать всякую всячину о дѣлахъ тѣхъ государствъ и ихъ учрежденіяхъ. Этою-то растязжимостью темы воспользовался, по видимому, и Платонъ, чтобы примѣнить ее, въ подробностяхъ, къ своей цѣли. Подобнымъ же образомъ надо, кажется, судить и о той части разсказа, которая относится собственно къ дѣламъ древнихъ аѳинянъ,—если только не отказывать ей вовсе въ авторитетѣ древности.

Подлинность «Критіаса» была въ послѣднее время заподозрѣна. *Иосифъ Зохеръ* (De scriptis Platonis p. 369 sqq.) всю эту книгу отнялъ у Платона и приписалъ ее какому-то другому, неизвѣстному автору, который будто бы хотѣлъ пополнить и закончить ею рассказъ, предложенный въ «Тимеѣ». Этотъ остроумный критикъ утверждаетъ, что въ «Критіасѣ» не замѣтно и тѣни божественнаго генія Платона: здѣсь все сводится къ ничтожнымъ описаніямъ времени и мѣста, и нѣтъ даже намекъ на то, что предметъ можетъ быть затронутъ со стороны болѣе существенной. По его мнѣнію, съ сочиненія столь безсодержательнаго и бездарнаго надо, по справедливости, снять имя Платона. Признаемся, мнѣніе этого ученаго и намъ на первый взглядъ показалось основательнымъ. Но чѣмъ долѣе и пристальнѣе всматривались мы въ «Критіаса», тѣмъ болѣе убѣждаемся, что въ этомъ діалогѣ нѣтъ въ сущности ничего недостойнаго Платона. Возьмемъ, во первыхъ, хотя бы языкъ: правда, время очень обезобразило его и вызываетъ насъ на множество поправокъ и догадокъ; однако въ немъ все-таки нѣтъ ничего такого, что вовсе чуждо было бы или вѣку Платона, или рѣчи и образу выраженій самого философа. Одна уже эта черта довольно сильно говоритъ за подлинность и авторитетъ книги. Въ самомъ дѣлѣ, кто не замѣтилъ бы здѣсь хоть небольшихъ, но несомнѣнныхъ слѣдовъ обмана, если бы это сочиненіе было написано какимъ нибудь другимъ писателемъ? Но кромѣ того, особенности ума и характера какъ самого Критіаса, такъ и прочихъ лицъ бесѣдующаго общества обрисовываются тутъ такъ искусно, что и въ этой чертѣ изложенія легко узнаешь художественный талантъ Платона и поневолѣ усумнишься, могли ли бы какой нибудь писатель позднѣйшаго времени такъ удачно поддѣлаться подъ него. Далѣе, состояніе древнихъ аеинянъ описывается сообразно съ поставленной собесѣдниками задачей и съ совершеннымъ примѣненіемъ къ намѣренію самого Платона (Tim. p. 26 C. D.)—доказать близкое по-

добіе древнѣйшихъ нравовъ и постановленій съ формами его государства. Возбуждаетъ сомнѣніе развѣ одинъ рассказъ объ Атлантидѣ, который особенно соблазняетъ и Зохера: тутъ въ самомъ дѣлѣ не вездѣ различишь, къ чему относятся отдѣльныя части описанія и въ какомъ сродствѣ состоятъ онѣ съ общею мыслью сочиненія. Но и это сомнѣніе устраняется очень легко. Счастіе и могущество древнихъ атлантидянъ не даромъ изображаются въ рассказѣ Критіаса такъ подробно: тѣмъ рѣшительнѣе Критіасъ могъ сдѣлать вполнѣ слѣдствіи выводъ, что и самое большое богатство не приноситъ обыкновенно странѣ и ея гражданамъ истиннаго благоденствія, если обладаніе имъ не соединяется съ разсудительностію и справедливостію: напротивъ, одно такое богатство, безъ стремленія и любви къ вещамъ божественнымъ, пораждаетъ неумѣренную гордость, презрѣніе къ правамъ человѣческимъ и божественнымъ, и тѣмъ самымъ ускоряетъ паденіе государства. Кто же не согласится, что этотъ выводъ, очевидно подготовляемый заранѣе, совершенно соотвѣтствуетъ ученію Платона о томъ же предметѣ и относился бы прямо къ подтвержденію и объясненію его?—Если за всѣмъ тѣмъ и останется еще въ «Критіасѣ» что нибудь неясное или, на нашъ взглядъ, неумѣстное, то вспомнимъ, что вѣдь это сочиненіе не конченное, что это одно только начало и, можетъ быть, первый набросокъ. Будь оно закончено и отдѣлано, мы навѣрное и въ томъ, что теперь имѣемъ, удивлялись бы образной и изящной рѣчи Платова. Въ настоящемъ же его видѣ, къ нему нельзя относиться слишкомъ придирчиво и строго.

Какимъ образомъ случилось, что это сочиненіе дошло до насъ неполнымъ? Могло быть, конечно, что осталая часть «Критіаса» съ теченіемъ времени утратилась; но могло быть и то, что Платонъ самъ, начавши его, не дописалъ и оставилъ неконченнымъ. Допустить первую причину трудно,—съ одной стороны, потому, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминаетъ о части затерянной, съ другой—въ

виду яснаго свидѣтельства *Плутарха*. Онъ въ «Жизни Солона» (р. 96 Е, с. 31 и 32) положительно говоритъ, что Платонъ застигнуть былъ смертію, прежде чѣмъ окончилъ отдѣлку этого своего сочиненія. И такъ, изъ предположенныхъ причинъ намъ остается принять вторую. Впрочемъ, можно еще сомнѣваться въ точности приведеннаго сообщенія *Плутарха*. Еще задолго до смерти, Платонъ могъ, по особымъ причинамъ, просто отложить «Критіаса». Весьма, конечно, вѣроятно, что, написавъ «Тимея», онъ тотчасъ приступилъ къ изложенію «Критіаса»: такъ позволяетъ думать эта тѣсная внѣшняя и внутренняя связь между обѣими книгами. Но не менѣе вѣроятно и то, что онъ не прежде возвратился къ «Критіасу», какъ выполнивъ огромный свой трудъ о законахъ. По выполненіи этого труда, философъ хотѣлъ, по видимому, продолжить прерванный передъ тѣмъ разговоръ; но смерть остановила его на этомъ дѣлѣ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ТИМЕЙ, КРИТІАСЪ, СОКРАТЬ, ЕРМОКРАТЬ.

Тим. Какъ мнѣ пріятно, Сократъ! Я съ такимъ же ¹⁰⁶удовольствіемъ оставилъ поприще слова, съ какимъ отдыхалъ бы послѣ далекаго путешествія. Молюсь тому богу, который прежде, встарину, возникъ въ вещахъ ¹, а теперь только что явился у насъ въ словѣ, молюсь, чтобы все, чтѣ въ бесѣдѣ раскрыли мы порядочно, обратилъ онъ для насъ во благо; если же о предметѣ, противъ желанія, сказали чтѣ В. нестройное, назначилъ бы за то приличное наказаніе. А правильное наказаніе для сбившагося въ строй,—это наставить его на строй. И такъ, чтобы впередъ вести намъ правильно рѣчи о рожденіи боговъ, просимъ его даровать намъ знаніе,—врачевство совершеннѣйшее и наилучшее изъ врачебныхъ средствъ. Помолившись такимъ образомъ, дальнѣйшую бесѣду, по условію ², передаемъ Критіасу.

¹ Возникъ въ вещахъ, ἔφυφ. Подъ именемъ бога здѣсь разумѣется видимый міръ. Міръ, пока созерцается просто какъ бытіе, есть богъ на самомъ дѣлѣ, или въ явленіяхъ; но какъ скоро универсъ становится предметомъ изслѣдованія, вещественно существующій богъ переходитъ въ слово, дѣлается понятіемъ и какъ будто возникаетъ заново, ибо міръ въ понятіи далеко уже не то, что міръ дѣйствительный.

² Это условіе см. Тим. р. 25 E—27 B.

Крит. И я принимаю ее, Тимей. Но чѣмъ вначалѣ восполь-
 с. зовался ты,—прося (себѣ) снисхожденія, подѣ предлогомъ,
 что будешь говорить о великомъ,—о томъ самомъ прощу
 теперь и я; и думаю, что имѣю на это еще большія права,
 107. по вниманію къ тому, о чемъ будетъ рѣчь. Хотя и увѣ-
 ренъ почти, что обращаюсь съ просьбой слишкомъ притя-
 зательной и чрезъ мѣру грубой, однакожь надо выска-
 заться. Какой разумный человѣкъ рѣшился бы сказать, что
 говоренное тобою сказано было не хорошо? Но что предпо-
 лагаемая рѣчь, какъ болѣе трудная, имѣеть нужду въ боль-
 шемъ снисхожденіи,—это надобно постараться доказать. Вѣдь
 кто говорить что нибудь о богахъ людямъ, тому, Тимей,
 В. легче показаться удовлетворительно говорящимъ, чѣмъ
 говорящему намъ о смертныхъ: потому что неопытность и
 совершенное невѣдѣніе слушателей,—если таковы по какому
 нибудь предмету слушатели,—доставляютъ большое удоб-
 ство желающему о немъ говорить; а вамъ извѣстно, каковы мы
 въ отношеніи боговъ ¹. Но, чтобы мнѣ представить яснѣе,
 что говорю, слѣдуйте за мною далѣе. Вѣдь то, что всѣ мы
 говоримъ, необходимо является нѣкоторымъ подражаніемъ
 и подобіемъ. Такъ если картины живописцевъ, изобража-
 С. юція предметы божественные и небесные, разсматривать въ
 томъ отношеніи, легко или трудно принимаются онѣ зрите-
 лями за подражаніе достаточное,—мы замѣтимъ, что насъ
 съ перваго же разу удовлетворяютъ и земля, и горы, и
 рѣки, и лѣсъ, и все вообще небо, и то, что есть и дви-
 жется около него, если кто, въ подражаніе тѣмъ предме-
 тамъ, съумѣеть представить нѣчто хоть немного имъ по-
 Д. добное; и при этомъ, не зная о нихъ ничего точнаго, мы
 не испытываемъ критически и не опровергаемъ написанное,

¹ Извѣстно, каковы мы въ отношеніи боговъ,—то есть, какъ мало ихъ знаемъ: замѣчаніе, совершенно согласное съ воззрѣніемъ Критіаса на религію. Онъ утверждалъ, что религія и ученіе о богахъ просто вымышлены мудрецами съ политической дѣлюю (см. Sext. Empir. Adv. mathem. IX, § 54; Plutarch. De superstit. c. 13, vol. VIII, p. 29, ed. Reisk.).

а довольствуемся относительно предметовъ неяснымъ и обманчивымъ рисункомъ. Но когда берутся изображать наши тѣла, — мы, по всегдашней нашей внимательности къ нимъ, быстро усматривая недостатки, становимся строгими судьями въ отношеніи къ тому, кто схватить не всѣ черты, условливающія подобіе портрета. То же бываетъ, надобно думать, и съ рѣчами: когда говорится о небесномъ и божественномъ, — будь тутъ хоть немного сходства, мы довольны; а смертное и человѣческое разбираемъ до мелочей. Такъ если, говоря теперь безъ приготовленія, мы не въ состоя- Е. ніи будемъ передать все какъ слѣдуетъ, — должно насъ извинить; ибо надо принять въ расчетъ, что изображать смертное, руководствуясь мнѣніемъ, не легко, а трудно. Желая напомнить вамъ объ этомъ и прося снисхожденія не мень- 108. шаго, а еще большаго, къ тому, о чемъ будетъ рѣчь, я вотъ и высказалъ все такое, Сократъ. Если кажется вамъ, что прошу этого дара справедливо, вы сами охотно предоставите мнѣ его.

Сокр. Почему не представить, Критіасъ! Да то же самое надо намъ будетъ предоставить и третьему — Ермократу. Въдъ явно, что немного послѣ, когда придется ему говорить, и онъ будетъ просить о томъ же, подобно вамъ. Такъ чтобы могъ В. онъ выбрать другое начало, и не былъ вынужденъ повторять то же самое, пусть и онъ говорить такъ, будто ужъ заручился заранѣе (нашимъ) снисхожденіемъ. Впрочемъ я предупреждаю тебя, любезный Критіасъ, на счетъ настроенія твоего театра ¹: предыдущій поэтъ успѣлъ снискать въ немъ необычайную славу; такъ что ты встрѣтишь надобность въ

¹ Театра, — то есть, слушателей. Эта метонимія часто употребляема была позднѣйшими софистами (Wittenbach. Biblioth. Crit. IX, p. 37). Въ данномъ случаѣ она употреблена очень кстати, ибо можно думать, что Критіасъ былъ отчасти и сценической поэтъ. Этому второму поэтѣ предшествовалъ поэтъ первый, то есть, Тимей, которому придается такой эпитетъ потому, что объ универсѣ онъ рассуждалъ тоже *πανταχως*, имѣя въ виду не столько истину, сколько правдоподобіе.

какомъ нибудь совѣмъ исключительномъ снисхожденіи, если находишь въ себѣ силу взяться за этотъ предметъ.

Ерм. То же, Сократъ, что ему, ты возвѣщаешь, конечно, и мнѣ. Но люди малодушные, Критіасъ, еще не воздвигали трофеевъ: такъ тебѣ слѣдуетъ мужественно приступить къ предмету рѣчи и, призвавъ въ помощь Пэона ¹ и музъ, выставить въ ихъ добрыхъ качествахъ и восхвалить этихъ древнихъ гражданъ.

Крит. Ахъ, любезный Ермократъ! ставъ на очередь послѣднимъ и имѣя впереди себя другаго, ты еще смѣл; онъ **Д.** каково дѣйствительно мое положеніе, тебѣ скоро покажетъ самое дѣло. Впрочемъ, коли ты вызываешь и ободряешь, надо тебя послушаться, и, кромѣ тѣхъ боговъ, о которыхъ ты сказалъ, призвать еще другихъ,—особенно Мнимосину. Вѣдь едва ли не важнѣйшая часть рѣчи зависитъ у насъ отъ этой богини ². Стоить, именно, лишь восстано-
В. вить хорошенько въ памяти и пересказать то, что нѣкогда сообщали жрецы и перенесъ сюда Солонъ, и я почти увѣренъ, что мы выполнимъ свое дѣло въ глазахъ этого театра **Е.** удовлетворительно. Приступимъ же къ самому дѣлу, не медля болѣе.

Прежде всего вспомнимъ, что прошло около девяти тысячъ лѣтъ съ того времени, какъ происходила, говорятъ, война между всѣми жителями по ту и по эту сторону Иракловыхъ столповъ. Эту-то войну надо теперь разсмотрѣть подробно. Надъ одной стороною начальствовалъ этотъ городъ—и вель, говорятъ, всю ту войну, а надъ другой—цари острова Атлантиды. Островъ Атлантида, говорили мы, когда-то былъ больше Ливіи и Азіи, а теперь осѣлъ отъ землетрясеній, и

¹ Пэона—выраженіе синекдохическое. Паіонъ есть собственно похвальная пѣснь Аполлону; но призывается здѣсь въ помощь самъ Аполлонъ, которому воспѣвались похвальныя пѣсни, называемыя пэонами.

² Мнимосина (память), по Омиру и Исиду, была дочь Урана (времени) и мать музъ (отъ Зевса): ей приписывалось такое родство, конечно, потому, что до изобрѣтенія письма память служила, въ области знанія, единственнымъ средствомъ что нибудь удержать и сохранить во времени.

оставилъ по себѣ непроходимый илъ, препятствующій пловцамъ проникать отсюда во вѣншее море, такъ что идти далѣе они не могутъ. Разные народы варварскіе и всѣ, какія тогда были, племена эллиновъ разсказъ нашъ, въ постепенномъ своемъ развитіи, укажетъ порознь, когда и гдѣ представится къ тому случай. Сначала необходимо намъ разсказать о тогдашнихъ аеинянахъ и ихъ противникахъ, съ которыми они воевали,—объяснить силу тѣхъ и другихъ и гражданскій порядокъ. Но и изъ этого сперва лучше сказать о томъ, что было здѣсь.

В.

Нѣкогда всю землю, отдѣльными участками, боги раздѣлили между собою,—однакожъ безъ всякаго спора;—ибо неразумно было бы допускать, будто боги не знали (сами), чтѣ каждому изъ нихъ приличествовало, или, зная, что то или это больше шло къ другому, пытались добыть это самое для самихъ себя посредствомъ споровъ. Нѣтъ, по указаніямъ справедливости получили они въ удѣлъ, что имъ нравилось, и водворились въ странахъ, водворившись же, питали насъ, свое стяжаніе и заботу, какъ пастыри—свой стада¹; но при этомъ не насиловали тѣлъ тѣлами, какъ пастухи пасутъ свой скотъ, гоняя его бичами,—нѣтъ, они имѣли дѣло съ животнымъ особенно послушнымъ: правя, будто рулемъ съ кормы, силою убѣжденія, они располагали по своему усмотрѣнію его душою, и ведя его такимъ образомъ, управляли всѣмъ смертнымъ родомъ. Между тѣмъ какъ другіе боги получили по жребію другія мѣста и устроили ихъ, Ифестъ и Аеина, имѣя общую природу²,—такъ

С.

¹ Боги поселялись въ странахъ, какія кому изъ нихъ выпали по жребію. О сравненіи царей съ пастухами см. Legg. IV р. 713 С, гдѣ разсказывается, что Сатурнъ, въ золотомъ вѣкѣ, поставилъ надъ людьми стражей и правителей, которые были настолько выше людей, насколько пастухи выше своихъ стадъ (сравн. Politic. р. 271 D). Совсѣмъ въ другомъ смыслѣ люди называются стяжаніемъ боговъ,—*κτῆματα θεῶν* (см. объ этомъ Phaedon. р. 62 В).

² Ифесту и Аеинѣ приписывается одна и та же природа—во первыхъ, потому, что оба они родились отъ одного и того же отца—Зевса; во вторыхъ, потому, что оба предаются одному призванію—къ искусствамъ. Оттого достался имъ

- какъ были дѣти того же отца и увлекались одинаковымъ призваніемъ къ философіи и искусству,—оба, по жребію, получили себѣ въ удѣлъ одну и ту же—здѣшнюю страну, какъ землю, по природѣ дружественную и благопріятную добродѣтели и мудрости, и, водворивъ туземцами ея людей
- Д. добрыхъ, вложили имъ въ умъ учрежденіе гражданскаго правленія. Имена тѣхъ людей сохранились, но дѣла, вслѣдствіе гибели преемниковъ ихъ и за давностію времени, пришли въ забвеніе; ибо остававшееся всякій разъ поколѣніе, какъ уже было сказано ¹, держалось горь и не имѣло письменности, слышало только объ именахъ властителей въ странѣ и очень немногое затѣмъ о ихъ дѣлахъ. Поэтому люди
- Е. довольствовались тѣмъ, что передавали своимъ потомкамъ одни имена, а заслугъ и законовъ своихъ предшественниковъ не знали, развѣ только по нѣкоторымъ темнымъ относительно каждаго слухамъ. Нуждаясь, въ продолженіе многихъ поколѣній, въ предметахъ насущной потребности, какъ

и общій удѣлъ—эта страна, по естественнымъ своимъ расположеніямъ къ мудрости и доблести имъ родственная. Что Аттика еще въ глубокой древности была мѣстомъ чествованія Аэны и Иееста,—извѣстно изъ преданія, по которому Ерихтоній всѣхъ жителей Аттики раздѣлил на четыре трибы, названныя по именамъ четырехъ боговъ;—эти трибы были: Діада, Аэниада, Посидоніада и Иеестіада (Pollux. VIII, 109, p. 931, ed. Hemster.; см. Schömann. De comitiis athen. p. 349). Можетъ показаться страннымъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ Иеестѣ, а о прочихъ богахъ, особенно чтимыхъ въ Атикѣ, умалчивается. Это произошло, думаемъ, по двумъ причинамъ. Во первыхъ, все это, надобно замѣтить, излагается такъ, что порядки древнихъ аэнианъ становятся, по видимому, въ ближайшее сродство съ установленіями египетскими. Но у египтянъ были божества, соответствовавшія Иеесту и Аэинѣ, —по имени Фта и Нейтъ, чествовавшіяся особенно въ Мемфисѣ (см. Proclus in Tim. p. 30; Plutarch. De Iside et Osiride, p. 534). Посидонъ же и Аполлонъ были египтянамъ совершенно чужды. Во вторыхъ, нельзя упускать изъ виду и того, что жители Аттики тотчасъ характеризуются какъ люди мудрѣйшіе, ума въ которыхъ сами боги сообщили способность къ устройенію гражданскаго порядка. Поэтому аэниане хвалились, что они—люди самородные, автохтоны, и вѣрили, что искони чтили Иееста, какъ отца, и землю, какъ мать (см. Meurs. De Regn. Attic. I, 6, et II, 1). Отсюда у Эсхила (Eumenid. v. 13) аэниане называются παῖδες Ἠφαίστου.

¹ См. Tim. p. 23 A. В.

сами, такъ и дѣти ихъ, они обращали свою мысль только на то, въ чемъ нуждались, ради этого же пользовались и словомъ, а о томъ, что происходило прежде, когда-то встарину, не заботились. Духъ повѣствованія и изслѣдованія древностей вошелъ въ города вмѣстѣ съ досугомъ, когда увидѣлъ, что жизненные потребности у нѣкоторыхъ людей уже обезпечены, — но не прежде. Вотъ почему сохранились имена древнихъ безъ ихъ дѣлъ. Заключаю это изъ того, что жрецы, по сказанію Солона, рассказывая о тогдашней войнѣ, придавали древнимъ большею частію имена Кекропса, Эрехта, Эрихтонія, Эрисихтона и многія другія, которыми только и различаются у насъ предшественники Тезея, — и то же самое было съ именами женщинъ. Вѣдь тогда занятія воинскимъ дѣломъ были общи для мужчинъ и для женщинъ. Самый образъ и изваяніе богини, которое, слѣдуя сему обычаю, тогдашніе граждане посвятили ей вооруженнымъ¹, служить доказательствомъ, что всѣ однородныя животныя мужескаго и женскаго пола способны по природѣ упражнять сообща свойственныя каждому роду добрыя качества. — Обитали тогда въ этой странѣ и другія сословія гражданъ, занимавшіяся ремеслами и добываніемъ пищи изъ земли, но племя воинское, выдѣленное мужами божественными съ самаго начала, жило особо, обладая всѣмъ нужнымъ для питанія и образованія²; собственности однакожь никто изъ воиновъ не приобѣталь никакой, въ той мысли, что все, принадлежащее

¹ Критіасъ утверждаетъ, что статую вооруженной богини посвятили Аѳинѣ еще древніе граждане, и отсюда заключаетъ, что въ древности занятіе воинскими дѣлами входило въ обязанность какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Къ чему это клонится, — замѣтить не трудно. Платонъ хочеть показать, что въ той древней аѳинской республикѣ имѣли силу всѣ обычаи и постановленія построеннаго имъ въ теоріи наилучшаго государства, такъ чтобы послѣднее было лишь обрзомъ первой. О долгѣ женщинъ исполнять наравнѣ съ мужчинами военныя и гражданскія обязанности см. De republ. p. 451 sqq.; Tim. p. 18 С.

² И этотъ также мнимо-историческій фактъ изложенъ къ смыслѣ Платонова «Государства». Мы видимъ, что въ древней аѳинской республикѣ предполагаются тѣ же три сословія, и каждому назначается тотъ же образъ жизни и дѣятельности, какъ предначертывалось въ «Государствѣ».

- D. всѣмъ, есть общее и для нихъ; кромѣ достаточной пищи, воины не считали достойнымъ принимать что либо отъ другихъ гражданъ, и исполняли всѣ указанныя вчера занятія, какія мы усвоили предположеннымъ стражамъ. О самой нашей странѣ сообщены были свѣдѣнія тоже вѣроятныя и правдивыя: что, во первыхъ, своими границами простигалась она тогда до перешейка и по остальному материку—
- Е. до высотъ Кисерона и Паринеа, откуда границы ея спускались, имѣя вправѣ Оропю, а налѣво—къ морю, по рѣкѣ Азопу; далѣе, что плодородіемъ эта собственно часть страны превосходила всѣ прочія, такъ что могла прокармливать большой военный лагерь изъ племенъ окрестныхъ. Важное доказательство ея плодородія—то, что и теперешній ея остатокъ ¹ можетъ состязаться съ любой землею по обилію при-
111. носимыхъ плодовъ и по богатству пастбищъ для всѣхъ животныхъ; а тогда она давала все это и высшаго качества, и въ чрезвычайномъ множествѣ. Но на чемъ основывается эта вѣроятность и отчего нынѣшнюю землю можно справедливо признавать лишь остаткомъ тогдашней? Вся она, выдвинутая изъ остальнаго материка далеко въ море, раскинулась въ видѣ мыса; объемлющій ее сосудъ моря весь глубоко съ перваго шагу. Поэтому, при множествѣ большихъ наводненій, имѣвшихъ мѣсто на разстояніи девяти тысячъ лѣтъ,—ибо столько прошло лѣтъ съ того времени
- В. до настоящаго,—земля за это время и при такихъ условіяхъ, стекая съ высотъ, не дѣлала (здѣсь), какъ въ другихъ мѣстахъ, значительныхъ наносовъ, но, смываемая со всѣхъ сторонъ, исчезала въ глубинѣ. И вотъ теперешнее, по сравненію съ тогдашнимъ,—какъ это бываетъ на малыхъ ост-

¹ Современная Платону территория Аттики называется остаткомъ (λείψα-νον) земель, принадлежавшихъ древней афинской республикѣ,—въ виду того, что береговья ея части, прежде влажныя, жирныя и плодоносныя, отъ частыхъ морскихъ наводненій должны были лишиться своего тука, мало по малу высохнуть и потерять свою производительную силу.

ровахъ,—представляетъ собою какъ будто только остовъ болѣвшаго тѣла, потому что съ землею все, что было въ ней тучнаго и мягкаго, сплыло и осталось одно тощее тѣло. А тогда, еще не поврежденная, имѣла она на мѣстѣ нынѣшнихъ холмовъ высокія горы, въ такъ называемыхъ теперь Феллейскихъ долинахъ ¹ обладала долинами, полными землянаго тука, и на горахъ содержала много лѣсовъ, которыхъ явные слѣды видны еще и нынѣ. Изъ горъ есть теперь такія, что доставляютъ пищу однѣмъ пчеламъ; но еще не такъ давно цѣлы были кровли, (построенныя) изъ деревьевъ, которыя, какъ прекрасный строевой матеріалъ, вырубались тамъ для величайшихъ зданій. Много было и иныхъ прекрасныхъ и высокихъ деревьевъ; скоту же страна доставляла богатѣйшій кормъ. Притомъ въ то время она орошалась ежегодно небесными дождями, не теряя ихъ, какъ теперь, когда дождевая вода сплываетъ съ голой земли въ море: нѣтъ, получая ее много и вбирая въ себя, почва страны задерживала ее между глинистыми заслонами и затѣмъ, спуская поглощенную воду, съ высотъ въ пустыя низины, раждала вездѣ обильные водные потоки, въ видѣ ручьевъ и рѣкъ, отъ которыхъ и нынѣ еще, у мѣстъ бывшихъ когда-то потоковъ, остаются священные знаки, свидѣтельствующіе, что мы говоримъ теперь объ этой странѣ правду.—Такова же была вся остальная страна,—правда, и отъ природы: но при этомъ она еще воздѣлывалась,—и, вѣроятно, земледѣльцами истинными, преданными этому самому дѣлу (какъ ремеслу), но вмѣстѣ съ тѣмъ людьми, любящими прекрасное и прекрасныхъ качествъ, обладателями превосходнѣйшей земли, изобильнѣйшихъ водъ и самаго благораствореннаго на землѣ климата. А главный городъ въ тѣ времена поселенъ былъ такъ. Во первыхъ, акрополь былъ тогда не таковъ, какъ теперь. Въ 112. наше время, одна чрезмѣрно дождливая ночь, растворивъ

¹ Φελλεῖος—часть Аттики, отличавшаяся во времена Критіаса безплодіемъ (Schol. ad h. l. et ad Aristoph. Nub. v. 71).

кругомъ почву, совершенно обнажила его отъ земли, причѣмъ одновременно произошло землетрясеніе и въ первый разъ случилось, третье предъ Девкаліоновымъ бѣдствіемъ, страшное разлитіе воды. Въ прежнемъ же своемъ объемѣ, въ иное время, онъ простирался до Эридана ¹ и Илисса, и, захватывая Пнику, имѣлъ насупротивъ Пники границую Ликавить ², весь былъ одѣтъ землею и, за исключеніемъ не-
 В. многихъ мѣстъ, имѣлъ ровную поверхность. Внѣшнія его части, подъ самыми скатами, населены были ремесленниками и тѣми изъ земледѣльцевъ, поля которыхъ находились по близости; въ верхнихъ же, около храма Аѣины и Иѣеста, расположилось совершенно отдѣльно воинское сословіе, окруживши все, будто дворъ одного дома, одною оградой. Жили они именно на сѣверной сторонѣ акрополя, устройвъ себѣ (тамъ) общіе дома, общія зимнія столовыя и все, чѣмъ надобно обзавестись общежительному государству помощію
 С. домостроительства, ради нихъ (воиновъ) и жрецовъ,—только безъ золота и серебра; потому что этихъ металловъ они вовсе не употребляли, но, соблюдая средину между тщеславіемъ и бѣдностію, строили себѣ жилища скромныя, въ которыхъ и сами состарѣвались, и дѣти дѣтей ихъ, и которыя передавали неизмѣнно такимъ же дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Что же касается южной части акрополя, то, оставляя по временамъ, какъ напр. лѣтомъ, свои сады, гимназіи и столовыя, они пользовались ею для той же цѣли ³. Въ мѣстѣ расположенія нынѣшняго акрополя былъ одинъ источникъ, отъ котораго, съ тѣхъ поръ какъ онъ разрушенъ землетря-

¹ Эриданомъ назывался ручей въ Атикѣ, вытекавшій изъ горы Гимета и вливавшійся въ Илиссъ.

² Πυύξ, или Πυύα, — мѣсто подъ Аѣинами, гдѣ встарину устраивались всѣ народныя собранія, а впоследствии народъ собирался въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, когда предстояло избрать вождя. — Λοχαγῆτις — гора, лежавшая по сосѣдству съ Пникомъ.

³ Т. е., на лѣтнее время сословіе воиновъ не имѣло особыхъ садовъ, гимназій и столовыхъ, но пользовалось для тѣхъ же цѣлей южными частями акрополя.

сеніемъ, остались вокругъ лишь небольшіе теперешніе родники; но всѣмъ обитателямъ того времени доставлялъ онъ воду въ обиліи, и былъ благопріятно растворенъ и для холодной и для жаркой поры. Въ такомъ-то положеніи они жили, служа стражами для своихъ согражданъ, а для прочихъ эллиновъ вождами, съ собственнаго ихъ согласія, и наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы составъ ихъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, могущій и теперь и на будущее время вести войну, оставался по числу всегда одинаковъ, то есть, содержалъ по крайней мѣрѣ до двадцати тысячъ.

Такъ вотъ, будучи таковы сами и на такихъ постоянно основаніяхъ управляя справедливо какъ собственной страной, такъ и Элладою, эти люди прославились и красотой тѣла, и различными добродѣтелями душевными въ цѣлой Европѣ и Азій, и были знамениты болѣе всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Но теперь огласимъ и положеніе ихъ противниковъ,—каково оно было и какъ съ самаго начала слагалось;—если память не измѣнитъ намъ въ томъ, что слышали мы, еще бывъ дѣтьми,—чтобы свѣдѣніямъ о томъ пріобщить, друзья, и васъ.

Но свою рѣчь я долженъ предварить еще краткимъ замѣчаніемъ: не удивляйтесь, если часто будете слышать у варваровъ мужей греческія имена. Причину этого вы узнаете. Въ намѣреніи воспользоваться этимъ сказаніемъ для своего стихотворенія, Солонъ разыскивалъ значеніе именъ, и нашелъ, что тѣ первые египтяне записали ихъ въ переводѣ на свой языкъ; поэтому и самъ онъ, схватывая значеніе каждаго имени, записывалъ его въ переводѣ на нашъ языкъ. Эти-то записи были у моего дѣда, да есть у меня и донынѣ, и я перечитывалъ ихъ еще въ дѣтствѣ. Такъ если вы услышите имена, такія же какъ и у насъ,—не удивляйтесь: причину этому вы знаете.—Длинное повѣствованіе началось тогда приблизительно такимъ образомъ.

Согласно тому, что сказано было ранѣе о дѣлежѣ боговъ,—что они подѣлили между собою всю землю участками, гдѣ болѣ-

- С. шими, а гдѣ и меньшими, устроая себѣ алтари и жертвоприношенія,—Посидонъ получилъ въ удѣлъ островъ Атлантиду, и тамъ поселилъ своихъ потомковъ, рожденныхъ отъ смертной жены, на такого рода мѣстности. Съ моря, по направленію къ срединѣ, лежала по всему острову равнина,—говорятъ, прекраснѣйшая изъ всѣхъ равнинъ и достаточно плодородная. При равнинѣ же, опять-таки по направленію къ срединѣ острова, на разстояніи стадій пятидесяти, была гора, небольшая въ окружности. На той горѣ жилъ одинъ изъ людей, родившихся тамъ съ самаго начала изъ земли ¹, по имени Эвиноръ, вмѣстѣ съ женою своею Левкиппою; у нихъ
- Д. была единственная дочь Клитò. Когда дѣвушка достигла уже поры замужества, мать и отецъ ея умерли. Посидонъ, почувствовавъ къ ней страсть, сочетался съ нею, и крѣпкимъ огражденіемъ осыкъ кругомъ холмъ, на которомъ она жила, построивъ одно за другимъ бôльшія и меньшія кольца, поочередно,—изъ морскихъ водъ и изъ земли, и именно два изъ земли и три изъ водъ, на равномъ повсюду разстояніи одинъ отъ другаго ², словно выкроилъ ихъ изъ середины острова,—такъ что холмъ тотъ сдѣлался недоступенъ для людей; вѣдь судовъ и плаванія тогда еще не было.
- Е. Самъ же онъ, какъ богъ, безъ труда и устроилъ этотъ срединный островъ, выведши изъ-подъ земли на поверхность два ключа воды: одинъ теплый, другой холодный, истекавшій изъ родника; пищу же всякаго рода произрастилъ въ достаточномъ количествѣ изъ земли. Дѣтей мужескаго пола

¹ По преданію, которое встрѣчаемъ у Аполлодора (I, 7, 2), Девкаліонъ, спасшись отъ потопа, сталъ просить Зевса, чтобы онъ возстановилъ человѣчскій родъ, истребленный наводненіемъ. Просьба его была исполнена. Ему и его женѣ Пиррѣ было приказано метать позади себя, черезъ плечо, камни: и изъ камней, брошенныхъ Девкаліономъ, явились мужчины, а изъ брошенныхъ Пиррой—женщины. На этотъ мнѣе намекаетъ настоящее мѣсто текста. О земнородныхъ людяхъ см. также Politic. p. 271.

² Т. е., онъ окружилъ этотъ холмъ прежде всего рвомъ, наполненнымъ морскою водою, потомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, землянымъ валомъ, за тѣмъ, черезъ такіе же промежутки, вторымъ рвомъ, вторымъ валомъ и третьимъ рвомъ. Холмъ получилъ оттого и самъ видъ острова, и дѣйствительно называется островомъ немного ниже. Разстояніе между рвами и валами опредѣляется на стр. 115 Е.

родилъ и воспиталъ онъ пять паръ—близнецовъ, и раздѣливъ весь островъ Атлантиду на десять частей, первому изъ старшей пары отдалъ поселеніе матери съ окрестнымъ 114. удѣломъ, самымъ большимъ и лучшимъ, и поставилъ его царемъ надъ прочими, а прочихъ сдѣлалъ архонтами, ибо каждому далъ власть надъ большимъ числомъ людей и большою областью. Всѣмъ имъ приложилъ онъ имена: старшему и царю далъ то, отъ котораго и весь островъ, и море, именованное Атлантическимъ, получили свое названіе,—ибо имя перваго воцарившагося тогда сына было Атласъ. Близнецу, за нимъ родившемуся, который получилъ въ удѣлъ окраины острова отъ столповъ Иракла до теперешней области Гадирской ¹, (отъ той мѣстности получившей и свое названіе ²), дано было имя поэлински Эвмиль, а потуземному Гадиръ,—названіе, перешедшее на самую страну. Изъ второй пары сыновей, назвалъ онъ одного Амфиромъ, другаго Эвемономъ. Изъ третьей, перваго родившагося—Мнисеемъ, а явившагося послѣ него—Автохтономъ; изъ четвертой, С. перваго—Эласиппомъ, а втораго—Мисторомъ; наконецъ, изъ пятой, старшему далъ имя Азайса, а младшему—Діапрепа. Всѣ они, сами и потомки ихъ, жили тамъ въ продолженіе многихъ поколѣній, властвуя также надъ многими иными островами моря, и даже, какъ прежде было сказано, простирали свое владычество до Египта и Тирриніи, на мѣстности нашей, внутренней стороны. Отъ Атласа произошелъ D. многочисленный и знатный родъ. Въ лицѣ царей, всегда старѣйшихъ въ родѣ и передававшихъ свою власть всегда

¹ Страна, которую древніе греки называли Γαδίρα, а римляне—*terra Gadirana*, занимала область теперешняго Кадикса. Эвмиль владѣлъ, слѣдовательно, не существующею теперь полоскою земли между Гибралтаромъ и Кадиксомъ.

² Фраза эта имѣетъ видъ позднѣйшей вставки, сдѣланной въ поясненіе текста переписчикомъ, и потому обнесена у насъ скобками. Вставка, очевидно, довольно неловкая, потому что она предупреждаетъ мысль, высказанную ниже, черезъ строку,—что страна, доставшаяся въ удѣлъ Гадиру, называлась его именемъ.

старѣйшимъ же изъ потомковъ, онъ сохранилъ за собою царство чрезъ много поколѣній и собралъ такія огромныя богатства, какихъ еще не бывало до тѣхъ поръ во владѣніи царей, да и впоследствии когда нибудь не легко такимъ образомъ разоваться. У нихъ находилось въ полной готовности все, что было предметомъ производства и въ городѣ, и въ прочихъ мѣстахъ страны. Многое, правда, благодаря (широкому) господству, прибывало къ нимъ извнѣ; но еще больше

Е. для потребностей жизни доставлялъ самый островъ: и во первыхъ, все, что посредствомъ раскопокъ добывается изъ земли твердаго и плавимаго, — на примѣръ, одну породу, которая теперь извѣстна только по имени, но тогда была больше, чѣмъ именовъ, — породу орихалка ¹, извлекавшуюся изъ земли во многихъ мѣстахъ острова и, послѣ золота, имѣвшую наибольшую цѣнность у людей того времени; далѣе, онъ приносилъ въ изобиліи все, что доставляетъ лѣсъ для работъ мастеровъ; то же самое и въ отношеніи животныхъ, — онъ питалъ ихъ вдоволь, и ручныхъ и дикихъ. Даже была на немъ многочисленная порода слоновъ; ибо корму находилось тамъ вдоволь не только для всѣхъ иныхъ животныхъ, водящихся въ болотахъ, озерахъ и рѣкахъ, или живущихъ на горахъ и питающихся на равнинахъ, но также

115. и для этого, по природѣ величайшаго и самаго прожорливаго животнаго. Кромѣ того, островъ производилъ и прекрасно возвращалъ все, что растить нынѣ земля благовоннаго, — изъ корней, травъ, деревьевъ, выступающихъ каплями соковъ, или изъ цвѣтовъ и плодовъ. Далѣе, и плодъ мягкій, и плодъ сухой ², который служитъ для насъ продо-

¹ Орихалкомъ (*ὄρειχαλκος*) назывался у древнихъ грековъ родъ желтой мѣди. О немъ см. Веккманн ad Aristot. mirab., p. 132 sq.

² И плодъ мягкій (*ἡμερος*), и плодъ сухой (*ξηρός*): подъ первымъ слѣдуетъ, по видимому, разумѣть виноградъ, а подъ вторымъ — хлѣбное зерно. Евстафій по поводу слова *ἡμερίς* въ Одиссеѣ (V, 69) замѣчаетъ: *Ἡμερίς κατὰ μὲν πολλοὺς ἢ ἡμερος ἀμπελος πρὸς διαστολήν τῆς ἀγριάδος, ἣν καὶ τεθηλένα φησὶ σταφυλαῖς, ὡς οἶα τοῦ καιροῦ ἐκείνου μετοπωρινῶ ὄντος.*

вольствіемъ, и всѣ тѣ, что мы употребляемъ для приправы и часть которыхъ называемъ вообще овощами, и тотъ древесный плодъ, что даетъ и питье, и пищу, и мазь ¹, и В. тотъ съ трудомъ сохраняемый плодъ садовыхъ деревьевъ, что явился на свѣтъ ради развлечения и удовольствія, и тѣ, облегчающія отъ пресыщенія, любезныя утомленному плоды, что мы подаемъ послѣ стола,—все это островъ, пока былъ подъ солнцемъ, приносилъ въ видѣ произведеній удивительно прекрасныхъ и въ безчисленномъ множествѣ. Принимая всѣ эти дары отъ земли, островитяне устраивали между тѣмъ и храмы, и царскіе дворцы, и гавани, и верфи, и все прочее въ странѣ,—и это дѣло благоустройства выпол- С. няли въ такомъ порядкѣ.

Прежде всего, кольца воды, огибавшія древній матеръ-городъ, снабдили они мостами и открыли путь отъ царскаго дворца и къ дворцу. Дворецъ же царскій въ этой обители бога и предковъ соорудили они тотчасъ же, съ самаго начала, и затѣмъ каждый, принимая его одинъ отъ другаго и украшая уже украшенное, всегда превосходилъ въ этомъ по возможности своего предшественника,—пока не отдѣлали D. они этого жилища такъ, что величіемъ и красотою работъ поражалъ онъ зрѣніе. Начиная отъ моря вплоть до крайняго внѣшняго кольца прокопали они каналъ, въ три плетра ² ширины и сто футовъ глубины, длиною же въ пятьдесятъ стадій, и такимъ образомъ открыли доступъ къ тому кольцу изъ моря, какъ будто въ гавань, а устье расширили настолько, что въ него могли входить самыя большіе корабли. Да и земляныя валы, которые раздѣляли кольца моря розняли они, по направленію мостовъ, настоль- E. ко, чтобы переплывать изъ одного въ другое на одной триремѣ, и эти проходы покрыли сверху, такъ чтобы плаваніе совершалось внизу; ибо прокопы земляныхъ колець

¹ Разумѣется, по видимому, кокосовая пальма.

² Т. е., въ полстадіи, или триста футовъ.

имѣли достаточную высоту поверхъ моря. Самое большое изъ колець,—въ которое пропущено было море,—имѣло три стадіи въ ширину; слѣдующее за нимъ земляное равнялось ему. Во второй парѣ колець, водяное было двухъ стадій въ ширину, а сухое опять равной ширины съ предыдущимъ водянымъ. Одной стадіи въ ширину было кольцо, окружавшее самый срединный островъ. Островъ же,—на которомъ стоялъ царскій дворець,—имѣлъ въ поперечникѣ пять стадій. И этотъ островъ кругомъ, и кольца, и мость, въ одинъ плетръ ширины, съ той и съ этой стороны обнесли они каменною стѣною, и вездѣ при мостахъ, на проходахъ къ морю, воздвигли башни и ворота. Камень вырубали они кругомъ и подъ островомъ, расположеннымъ въ срединѣ, и подъ кольцами, съ внѣшней и внутренней ихъ стороны: одинъ былъ бѣлый, другой черный, третій красный; а вырубая камень, вмѣстѣ съ тѣмъ созидали морскіе арсеналы,—двойныя внутри пещеры, накрытыя сверху самой скалою. Изъ строеній одни соорудили они простыя, а другія пестрыя, перемѣшивая для забавы камни и давая имъ выказать ихъ естественную красоту. И стѣну около крайняго внѣшняго кольца обдѣлали они по всей окружности мѣдью, пользуясь ею какъ бы мастикою ¹, внутреннюю выплавили серебрястымъ оловомъ, а стѣну кругомъ самаго акрополя pokrыли орихалкомъ, издававшимъ огненный блескъ.—Царское же жилище внутри акрополя устроено было такъ. Въ срединѣ тамъ оставленъ былъ недоступнымъ священный храмъ КлитѠ и Посидона, съ золотою кругомъ оградой,—тотъ самый, въ которомъ нѣкогда зачали они и родили поколѣніе десяти царевичей. Туда, изъ всѣхъ десяти удѣловъ, приносились ежегодно каждому изъ нихъ приличныя по времени жертвы. Храмъ самого Посидона имѣлъ одну стадію

¹ Т. е., они растопили ее и въ жидкомъ состояніи распространили по поверхности. Тотъ же самый приемъ означается ниже терминомъ *περτίχηται*, выплавить кругомъ, или, пожалуй, вылудить,—облить кругомъ расплавленной массой.

въ длину, три плетра въ ширину и пропорціальную тому D на видъ высоту; внѣшность же его представляла что-то варварское. Все это зданіе снаружи покрыли они серебромъ, кромѣ оконечностей, оконечности же золотомъ. Внутри представлялся зрѣнію потолокъ слоновой кости, расцвѣченный золотомъ, серебромъ и орихалкомъ; все же прочее,—стѣны, колонны и полъ,—одѣли они кругомъ (однимъ) орихалкомъ. Воздвигли также внутри золотыхъ кумировъ,—бога, что, стоя въ колесницѣ, правилъ шестью крылатыми конями, а Е. самъ, по громадности размѣровъ, касался теменемъ потолка, и вокругъ него, плывущихъ на дельфинахъ, сто нереидъ,—ибо столько именно насчитывали ихъ люди того времени. Было внутри храма много и иныхъ статуй, посвященныхъ богу людьми частными. Около же храма, снаружи, стояли золотыя изображенія всѣхъ вообще лицъ,—и женъ, и всѣхъ потомковъ, которые родились отъ десяти царей, также многія другія великія приношенія, со стороны какъ царей, такъ и частныхъ лицъ, и изъ самаго города, и изъ внѣшнихъ странъ, надъ которыми онъ господствовалъ. Да и жертвенникъ, по размѣрамъ и отдѣлкѣ, вполне соответствовалъ такой обстановкѣ храма, и царское жилище точно 117. также отвѣчало достойнымъ образомъ и величію державы, и убранству капища. Изъ обоихъ источниковъ, холодной и теплой воды, которые содержали воду въ огромномъ обилии и отличались каждый, отъ природы, пріятнымъ ея вкусомъ и высокой годностью къ употребленію, они извлекали пользу, расположивъ вокругъ строенія и подходящія къ свойству водъ древесныя насажденія и построивъ около водоемы, одни—подъ открытымъ небомъ, другіе—крытые, для В. теплыхъ на зимнее время ваннъ, особые—царскіе и особые—для частныхъ людей, отдѣльные же для женщинъ, и отдѣльные для лошадей и прочихъ рабочихъ животныхъ, причемъ дали каждому соответствующее устройство. Стекавшія оттуда воды отвели они къ рощѣ Посидона,—группѣ разнородныхъ деревьевъ, достигшихъ необычайной красоты

- и вышины, благодаря плодородію почвы, — и через каналы, по направленію мостовъ, спустили во внѣшнія (водяныя) кольца. Много было тамъ устроено капищъ, въ честь многихъ боговъ, много также садовъ и гимназій, — и для мужчинъ, и особо для лошадей, на обоихъ тѣхъ кольцевыхъ островахъ, и между прочимъ, въ срединѣ наибольшаго изъ острововъ, былъ у нихъ отличный ипподромъ, шириною въ стадію, а въ длину распространенный, для состязанія лошадей, на всю окрѣжность. Около него, по обѣ стороны, находились жилища стражниковъ, (предназначенныя) для
- D. большинства стражи. Болѣе вѣрнымъ повелѣвалось держать стражу на меньшемъ и ближайшемъ къ акрополю островѣ; а тѣмъ, которые вѣрностію отличались больше всѣхъ, отведены были жилища внутри акрополя, около самихъ царей. Арсеналы наполнены были триремами и всѣ снабжены вдосталь нужнымъ для триремовъ снаряженіемъ. Такъ-то было все устроено около жилища царей. Но перешедшему за гавани, — а ихъ было три, — встрѣчалась еще стѣна, которая, начинаясь отъ моря, шла кругомъ, вездѣ въ раз-
- E. стояніи пятидесяти стадій отъ большаго кольца и гавани, и замыкала свой кругъ при устьѣ канала, лежавшемъ у моря ¹. Все это пространство было густо застроено множествомъ домовъ, а водный проходъ и большая изъ гаваней кишѣли судами и прибывающимъ отовсюду купечествомъ, которое, въ своей массѣ, день и ночь оглашало мѣстность крикомъ, стукомъ и смѣшаннымъ шумомъ.

¹ Замыкала свой кругъ при устьѣ канала, лежавшемъ у моря — *συνέχλειεν εἰς ταὐτὸν πρὸς τὸ τῆς διώρυχης στόμα τὸ πρὸς θάλατταν*. Мы переводимъ эту фразу, слѣдуя возможно ближе за текстомъ, какъ перевелъ ее и Шнейдеръ: *et ambitum suum in idem recurrens clauderebat ad fossae ostium, quod a mari patebat*. Штальбаумъ же пытается исправить текстъ, — опускаетъ первое *πρὸς*, измѣняетъ второе *τὸ* на *τῷ*, и переводитъ: *et fossae ostium, cum maris ostio in idem concludebat* (смыкала въ одно устье канала съ устьемъ моря). Во всякомъ случаѣ, стѣна эта, по описанію Платона должна была связывать морскую гавань съ внѣшнимъ круговымъ каналомъ по видимому такъ же, какъ «долгая стѣна» (*τὰ μακρὰ σκέλη*) связывала Пирей съ Афинами.

И такъ, о главномъ городѣ и о всемъ, что имѣеть отношеніе къ тому старому жилью, передано все почти такъ, какъ тогда рассказано; постараемся же теперь припомнить рассказъ и о прочей странѣ; какова была ея природа и каковъ образъ ея устройства. Во первыхъ, вся эта мѣстность 118. была, говорятъ, очень высока и крута со стороны моря; вся же равнина около города, обнимавшая городъ и сама, въ свою очередь, объята кругомъ горами, спускающимися вплоть до моря, была гладка и плоска, и въ цѣломъ имѣла продолговатую форму, (простираясь) по одному направленію на три тысячи, а посрединѣ, вверхъ отъ моря, на двѣ тысячи стадій. Мѣстность эта по всему острову была обращена къ югу и защищена съ сѣвера отъ вѣтровъ. В. Окружавшія ее горы прославлялись тогда за то, что превосходили всѣ существующія и числомъ, и величиной, и красотою, причемъ содержали много богатыхъ жителями селеній, рѣки, озера и пажити, съ достаточною пищею для всѣхъ—ручныхъ и дикихъ животныхъ, также лѣсъ, красовавшійся обиліемъ и разнообразіемъ деревъ и богатый матеріаломъ для производствъ, всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. И вотъ какъ, при помощи природы, была воздѣлываема та равнина многими царями, въ теченіе долгаго времени. Въ основаніи лежалъ большею ча- С. стію правильный и продолговатый четвероугольникъ; а чего не доставало (для такой формы), то направляемо было по окружности выкопаннаго кругомъ рва. Показанія относительно его глубины, ширины и длины невѣроятны,—(невѣроятно), чтобъ, сверхъ другихъ произведеній труда, было еще такое созданное руками дѣло;—но передадимъ, что слышали. Въ глубину былъ онъ прокопанъ на одинъ плетръ, въ ширину повсюду на одну стадію, и такъ какъ былъ вы- D. копанъ кругомъ всей равнины, то оказывался до десяти тысячъ стадій въ длину. Онъ принималъ сходящіе съ горъ потоки и, будучи обогнутъ кругомъ равнины такъ, что прикасался съ обѣихъ сторонъ къ городу, давалъ имъ та-

кимъ путемъ изливаться въ море. Сверху были отъ него прорѣзаны по равнинѣ прямые каналы, около ста футовъ шириною, которые направлялись снова въ ровъ, ведущій къ морю, отстояли же другъ отъ друга на сто стадій. При ихъ-то посредствѣ они сплавляли къ городу снятый на горахъ лѣсъ, а также доставляли на судахъ и другія произведенія, смотря по времени года, нарѣзавъ поперечные изъ е. канала въ каналъ и по направленію къ городу протоки. И дважды въ годъ пожинали они произведенія земли, въ теченіе зимы пользуясь водами небесными, а лѣтомъ привлекая воду, которую даетъ земля, чрезъ каналы. Въ отношеніи военной силы, требовалось, чтобы изъ числа людей, 119. годныхъ на равнинѣ къ войнѣ, каждый участокъ выставялъ вождя; величина же участка доходила до десятидесятковъ стадій, а всѣхъ участковъ было шестьдесятъ тысячъ. Изъ жителей горъ и прочихъ мѣстъ страны набиралось, напротивъ, неограниченное число людей, но всѣ они, смотря по мѣстностямъ и селеніямъ, распредѣлялись въ тѣ участки, къ вождямъ. Вождю же полагалось поставить на войну шестую часть военной колесницы, въ число десяти тысячъ колесницъ,—двухъ в. коней и всадниковъ,—далѣе, парную запряжку безъ сидѣнья, содержащую пѣшаго, легко вооруженнаго воина, и при войнѣ еще возницу для обоихъ коней,—двухъ тяжело вооруженныхъ воиновъ, по двое лучныхъ стрѣлковъ и пращниковъ, по трое легко вооруженныхъ камнетателей и копейщиковъ, и четверыхъ моряковъ, въ составъ команды для тысячи двухсотъ кораблей. Такъ была устроена военная часть царственнаго города; въ прочихъ же девяти—у каждаго иначе,— с. о чемъ долго было бы говорить.

По части же властей и (ихъ) отвѣтственности установлено было съ самаго начала слѣдующее. Каждый изъ десяти царей господствовалъ въ своемъ удѣлѣ, состоящемъ при собственномъ его городѣ, надъ людьми и большею частію законовъ ¹, на-

¹ Царямъ приписывается власть не надъ всѣми, а только надъ большею

казывая и присуждая къ смерти, кого захочетъ; взаимныя же ихъ отношенія и общеніе власти опредѣлялись предписаніями Посидона, какъ ихъ передавалъ законъ и надписи, начертанныя еще предками на орихалковомъ столпѣ, что находилса посрединѣ острова, въ капищѣ Посидона. Туда D. собирались они попеременно, то на пятый, то на шестой годъ, воздавая честь въ равной долѣ и четному и нечетному числу ¹, и собравшись, совѣщались объ общихъ дѣлахъ, или же разбирали, не сдѣлалъ ли кто какого проступка, и творили судъ. Но, приступая къ суду, сперва давали они другъ другу вотъ какое завѣреніе. Въ виду пасущихся на свободѣ буйволовъ, они, въ числѣ десяти, оставшись одни въ капищѣ Посидона и помолившись богу, чтобы имъ E. захватить пріятную для него жертву, безъ желѣза, съ однѣми дубинами и петлями, выходили на ловлю, и пойманнаго буйвола приводили къ столпу и закалывали на вершинѣ его, надъ надписями. А на столпѣ, кромѣ законовъ, было (написано) закліаніе, призывавшее великія бѣдствія на непослушныхъ. Такъ вотъ, когда, совершивъ жертвоприношеніе по своимъ законамъ, освящали они на жертву всѣ члены буйвола,—въ это время, замѣшавъ предвари- 120. тельно чашу ², бросали въ нее за cadaго по комку свернувшейся крови, а прочее, вычистивши столпъ, предавали огню. Затѣмъ, черпая изъ чаши золотыми кубками и

частью законовъ, потому что ниже говорится о нѣкоторыхъ законахъ, которымъ должны были подчиняться сами цари.

¹ Въ этой подробности разсказа—о пятилѣтнемъ и шестилѣтнемъ (нечетномъ и четномъ) срокахъ собраній,—принадлежитъ ли она дѣйствительно этому преданію, или измышлена Платономъ, нельзя не замѣтить близкаго родства съ пифагорейскимъ ученіемъ о числахъ. Извѣстно, что, по Пифагору, единица еще не составляла въ собственномъ смыслѣ числа, а считалась только субстратомъ всѣхъ чиселъ. Два повтому есть первое четное, а три—первое нечетное число. Затѣмъ, пяти придавалось значеніе какъ суммъ, а шести—какъ произведенію этихъ первыхъ чиселъ ($2+1=3=5$; $2 \times 3=6$).—Можетъ быть, такое же символическое значеніе имѣютъ и другія числовыя подробности, которыхъ не мало встрѣчаемъ въ «Критіасъ».

² Т. е., растворивъ, по обычаю, водою приготовленное въ общей чашѣ вино.

- творя возліянiя на огонь, они клялись, что будутъ судить по начертаннымъ на столпѣ законамъ и карать, если кто совершилъ ранѣе того какое нибудь преступленіе, да и на послѣдующее время не будутъ нарушать ничего изъ предписаннаго и не будутъ ни сами управлять, ни повиноваться правителю иначе, какъ въ смыслѣ исполненiя отеческихъ законовъ.
- В. Послѣ того какъ каждый изъ нихъ дастъ такой обѣтъ за себя и за свой родъ, выпьетъ и сложитъ кубокъ въ капищѣ бога, наконецъ управится со столомъ и со всѣми нуждами,—а между тѣмъ стемнѣетъ и жертвенный огонь станеть горѣть слабѣе,—всѣ они, облекшись, по возможности, въ самую прекрасную темноглубую одежду, среди ночи, по погашенiи въ капищѣ всѣхъ огней, сѣли на землѣ предъ пламенемъ клятвенной жертвы и творили судъ,
- С. либо были судимы, если кто либо обвинялъ кого изъ нихъ въ нарушенiи закона. Постановленные же приговоры они заносили, когда наступалъ свѣтъ, на золотую доску и, какъ памятникъ, вмѣстѣ съ плащами, полагали ее въ капищѣ. Много было и другихъ, особыхъ для каждой мѣстности законовъ относительно правъ царей, но самый важный былъ тотъ, чтобы никогда не поднимали они оружіе другъ противъ друга и вступались всѣ, если бы кто изъ нихъ въ какомъ нибудь городѣ задумалъ истребить царскій родъ,—
- Д. чтобы сообща, подобно предкамъ, принимали они рѣшенiя относительно войны и другихъ предпріятій, предоставляя высшее руководство роду Атласа. И царь не властенъ былъ приговорить къ смерти никого изъ родственниковъ, если болѣе половины царей, изъ числа десяти, не будутъ на этотъ счетъ одного мнѣнiя.

Эту столь великую и крѣпкую силу, что проявилась въ тѣхъ мѣстахъ, богъ выстроилъ и направилъ противу здѣшнихъ мѣстъ по причинамъ именно такого рода. Въ продолженіе многихъ поколѣнiй, пока природы божіей было въ нихъ (людяхъ тѣхъ мѣстъ) еще достаточно, они оставались покорны законамъ и относились дружелюбно къ род-

ственному божеству. Ибо они держались образа мыслей истиннаго и дѣйствительно высокаго, выказывая смиреніе и благоразуміе въ отношеніи къ обычнымъ случайностямъ жизни, какъ и въ отношеніяхъ другъ къ другу. Оттого, взирая на все, кромѣ добродѣтели, съ пренебреженіемъ, они мало дорожили тѣмъ, что имѣли, массу золота и иныхъ стяжаній выносили равнодушно, какъ бремя, а не падали наземь, въ опьяненіи роскоши, теряя отъ богатства власть надъ самими собою;—нѣтъ, трезвымъ умомъ они ясно постигали, что все это вырастаетъ изъ общаго дружелюбія и добродѣтели, а если посвящать богатству много заботъ и придавать большую цѣну, рушится и само оно, да гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ и то. Благодаря такому взгляду и сохранявшейся въ нихъ божественной природѣ, у нихъ преуспѣвало все, на что мы раньше подробно указывали. Но когда доля божества, отъ частыхъ и обильныхъ смѣшеній съ смертною природою, въ нихъ наконецъ истощилась, нравъ же человѣческій одержалъ верхъ, тогда, не будучи уже въ В. силахъ выносить настоящее свое счастье, они развратились, и тому, кто въ состояніи это различать, казались людьми порочными, потому что изъ благъ наиболѣе драгоценныхъ губили именно самыя прекрасныя; на взглядъ же тѣхъ, кто не умѣетъ распознавать условія истинно блаженной жизни, они въ это-то преимущественно время и были вполне безупречны и счастливы,—когда были преисполнены неправаго духа корысти и силы. Богъ же боговъ Зевсъ, царствующій согласно законамъ, какъ существо способное это различать, принялъ на видъ, что племя честное впало въ жалкое положеніе, и, рѣшившись наказать его, чтобы оно, образумившись, стало скромнѣе, собралъ всѣхъ боговъ С. въ самую почетную ихъ обитель, которая приходится въ срединѣ всего міра и открываетъ видъ на все, что получило жребій рожденія,—собравши же ихъ, сказалъ....

